

Я. Хохоровски

АРИСТОКРАТКА? АМАЗОНКА? ИЛИ ЖРИЦА? (заметки к дискуссии о статусе женщин в греко-скифских обществах)

Открытая в греко-скифском некрополе в Кошарах, у устья Тилигульского лимана на побережье Черного моря, гробница 111, датируемая концом IV века до н. э., содержала захоронение молодой женщины, уложенной головой на восток. Погребение выделялось среди прочих наличием эффектного комплекта украшений, в который входили серебряные подвески в виде головы Деметры и Персефоны, а также присутствием колчана со стрелами подчёркивающего престиж погребенной. Её общественная позиция была связана с важной ролью, которую, в религиозном сознании населения ольвийской хоры, выполняли культы плодородия вместе с элевсинскими мистериями.

Ключевые слова: Хора Ольвии, захоронения женщин, престижные предметы инвентаря, культ Деметры и Персефоны.

В 1998 г. экспедиция «Кошарь» Археологического музея в Одессе и Института археологии Ягеллонского университета в Кракове под руководством Е. Ф. Рединой и Э. Папучи-Владыка, начала исследования ряда объектов: античного поселения, зольника и большого некрополя, расположенных у села Кошары, примерно в 40 км к востоку от Одессы, у устья Тилигульского лимана Черного моря (рис. 1).

Обширный исторический комплекс «Кошарь» — объект необычный по многим причинам, в том числе и из-за своей прекрасной сохранности; он оставался незаселенным с античных времен. После открытия кошарского поселения в 1950 г. Буго-Днепровской экспедицией Л. М. Славина, оно стало известно как «городище». В литературе (Сымонович 1954, с. 146—150) появились тогда попытки идентификации его с древним городом *Ordessus*. В работах античных авторов, в том числе у Плиния

Старшего, он упоминался как «порт» (*Historia Naturalis*, 4; 82—83). Основным элементом кошарского комплекса являются остатки поселения городского типа, с реликтами каменной архитектуры, видимыми даже на поверхности. Поселение занимает вершину высокого мыса приморской террасы, отдаленной от нынешней береговой линии примерно на 900 м и возвышающейся ориентировочно на 25 м над широким устьем лимана — в данный момент заполненного наносами (рис. 2; здесь и далее: кроме рис. 1, 3, 8, 9, 27 — см. вклейку). В древности топографическая ситуация устья Тилигульского лимана (античный *Axiakos*) должна была быть совершенно иной, потому что он был отрезан пересышью от открытого моря только лишь в 1823 г. (Редина, Папучи-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 144). Поселение могло тогда эффективно выполнять портовые функции. На юго-западном краю мыса, ниже плато, расположена видимая на поверхности насыпь так называемого зольника (*eschara*). С северо-западной стороны мыса плато переходит в обширную холмистую гряду, занимаемую некрополем, размер которого определяется в несколько гектаров. Некрополь находится на расстоянии примерно 400 м от застройки поселения и, вероятно, располагался вдоль древней дороги, ведущей к поселению со стороны степи. В 1950-х и 1960-х гг. на поверхности ещё были видны насыпи около 15 курганов, высотой 0,3—0,5 м, а также более 30 светлых глинистых пятен — следов полностью распаханных насыпей (Chochorowski, Papuci-Władyka, Redina 2000, p. 186).

В течении десятилетней работы совместной экспедиции были исследованы крупные участки (более 1200 м²) укрепленного поселения, об-

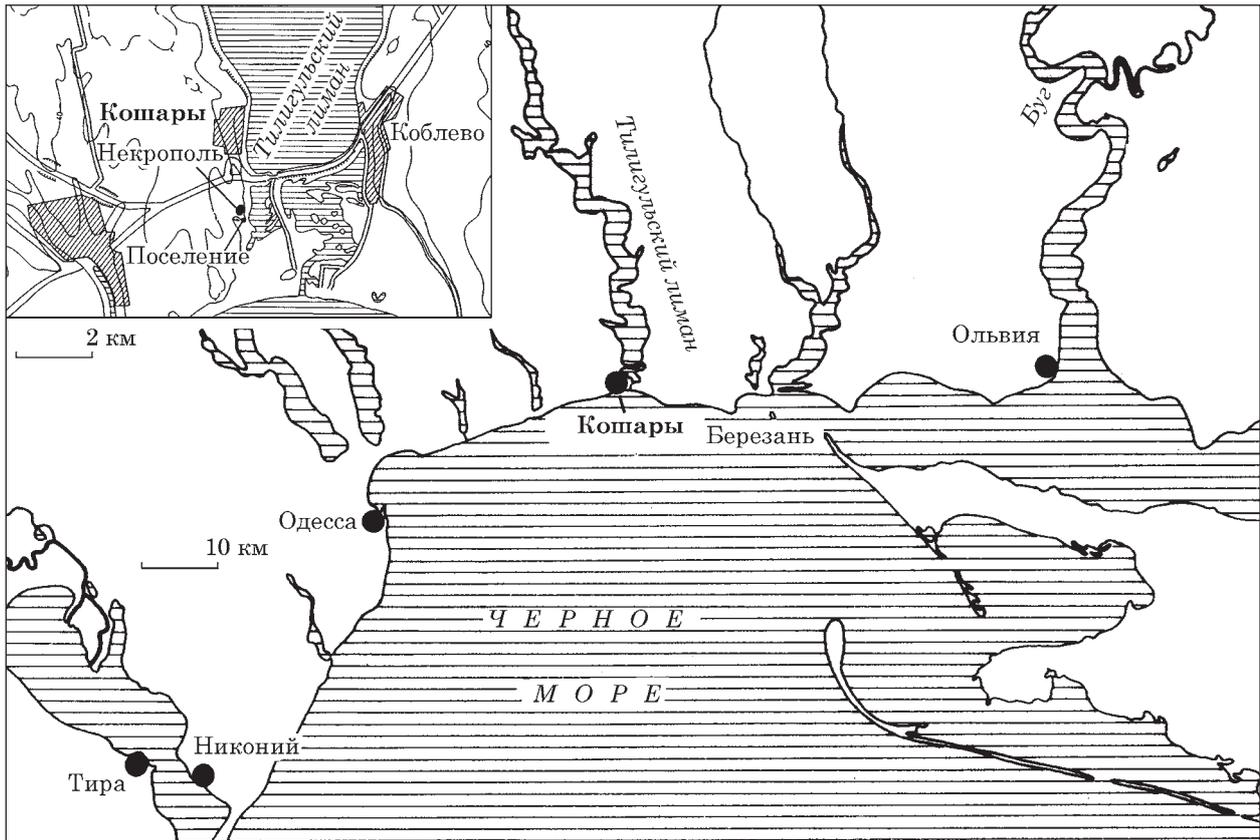

Рис. 1. Расположение комплекса Кошары относительно других греческих колоний на северо-западном побережье Чёрного моря

щая площадь которого оценивается примерно в 6000 м² (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 146—149; Paruci-Władyka, Redina 2011, p. 285—287). Среди прочего были открыты остатки каменной стены и примыкающий к ней сухой ров, которые в определенном периоде функционирования города защищали подходы к нему со стороны степи. Застройка города была разделена на кварталы, отделённые друг от друга улицами (Paruci-Władyka, Redina 2011, fig. 4, 8). С западной стороны к городу примыкало предместье с несколькими усадьбами. Результаты раскопок, и в частности стратиграфических наблюдений, указывают на постепенное развитие инфраструктуры городка. В начальной фазе развития (конец V — первая половина IV вв. до н. э.) поселение было застроено объектами типа землянок; сначала округлых, а затем четырехугольных в плане. Постройки городского типа — каменно-глиняные дома и мощные улицы — более характерны для младшей фазы функционирования поселения, датированной второй половиной IV — первой половиной III вв. до н. э. (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 146). Датировка младшей фазы подтверждена также и радиоуглеродными анализами (Chochorowski, Paruci-Władyka, Redina 2000, p. 191). Похоже, что в конечной фазе существования, кошарское поселение уже не было

усилено оборонительными сооружениями. Множество факторов указывает на то, что оно входило в состав сельскохозяйственной базы (хоры) Ольвии (Paruci-Władyka, Redina 2011, p. 283).

В ходе работ экспедиции «Кошары» на некрополе было вскрыто 230 погребений и других сакральных объектов, обнаруженных на площади 8000 м², которая составляет около 15—20 % от общей площади некрополя (Paruci-Władyka, Redina 2011, p. 285). Отличительной чертой некрополя является огромное разнообразие погребальной архитектуры и форм захоронений. Среди всех античных погребальных комплексов преобладают могилы с подбоями. Их характерной особенностью является наличие боковой ниши, выдолбленной в нижней части длинной стены входной ямы. Чаще всего входная яма была ориентирована по оси запад-восток, причём ниши обычно расположены на её северной стороне. Однако встречаются тоже погребения с нишей с южной стороны. Важным фактором является также ориентировка погребённых относительно сторон света. Восточная ориентировка, преобладающая на некрополе Кошары, была типична для греческого некрополя Ольвии архаического периода (Скуднова 1988, с. 8). В то время как западная ориентировка является имманентной особенностью погребального обряда в скифской этни-

ческой среде (Ольховский 1977, с. 122, табл. 2; Скорый 2003, с. 52), выражающей астральный аспект верований в загробную жизнь. Скифский (либо более широкий; степной / кочевой) генезис (Скорый 2003, с. 53), можно проследить в некоторых похоронных обычаях на некрополях Ольвии и её хоры. Например помещение в могилу к усопшему мясной пищи (в Кошарах преобладает баранина), а также уложение тел умерших на ложе из травы (камыша) покрытого войлоком (Парович-Пешикан 1974, с. 59—62). Над некоторыми могилами устанавливались стелы — плиты или блоки, выполненные обычно из известняка. Лишь в очень немногих случаях на некрополе в Кошарах удалось зафиксировать реликты греческого ритуала захоронения; вложение в могилу оболон — монет для Харона.

Наличие в окрестностях греческих причерноморских колоний захоронений с нишами обычно связывается с присутствием здесь колонистов (Козуб 1987, с. 27, 33—34). Следует, однако, подчеркнуть, что такие погребения появляются только во второй половине VI в. до н. э. и редко встречаются в архаический период. С течением времени, в классический и эллинистический периоды, они получают широкое распространение, хотя, например, в некрополе в Ольвии в это время более популярны могилы с нишей, закрытой сырцовыми блоками, образующими заслон (Парович-Пешикан 1974, с. 16, рис. 7, 9). Стенки-заграждения из сырца более характерны для погребальных объектов в греческой этнической среде. В Кошарах заклады, закрывающие вход в нишу, были построены из диагонально уложенных каменных плит, уплотнённых каменными блоками меньшего размера. Повсеместной особенностью подбойных могил в кошарском некрополе является также наличие ступени образованной разницей уровней dna входной ямы и ниши, где последняя располагается ниже. Это особенность более поздних объектов данного типа известна в Ольвии и её окрестностях в IV—III вв. до н. э.

Погребения с нишами-подбоями, наиболее характерные для кошарского некрополя, представлены там в большом разнообразии. Между собой они различаются, как и по размеру, так и по глубине шахты (входной ямы), по размеру и форме ниши, а также по типу конструкции и видом строительного материала, используемого при сооружении заслона, закрывающего вход в нишу. Монументализм этих конструкции заключается в количестве и размере строительных плит / блоков, соответствующий размеру (величине и глубине) погребений и богатству даров. Стандартный состав погребального инвентаря включает, как минимум, амфору и килик (скифос) или канфар, и, кроме того, другие предметы инвентаря, например, бронзовые наконечники стрел для лука.

Обоснованно можно предположить, что все эти признаки, в какой-то мере отражали статус покойных, похороненных в могилах этого типа. Особенно характерны глубокие могилы с шахтами и нишами, монументальным каменным заслоном, обычно с богатым инвентарём, содержащие останки взрослого человека. Эти захоронения обычно имеют восточную (греческую) ориентировку, а богатство даров указывает на связь с высшими слоями общества.

Несмотря на то, что некрополь изучен только частично, можно проследить некоторые закономерности в размещении захоронений. В некоторых районах могилы располагаются почти рядами (вдоль дорожек?). Также чрезвычайно интересно группирование гробниц вокруг более ранних курганов. Одним из первых объектов, исследованных в некрополе во время работы экспедиции «Кошарь», был небольшой курган (об. 55), к слову, практически полностью распаханный. Однако контур первоначальной насыпи четко прослеживался по следам рва вокруг кургана, диаметром чуть более 8 м (Chochorowski 2008, Pl. 1:1). Ров прерывался в двух местах, находящихся точно друг напротив друга, и образующих своего рода проходы — перемычки, одна на восточной стороне, другая — на западной (рис. 3). В заполнении рва и поблизости с ним в его соседстве, особенно рядом с западным проходом, были обнаружены остатки поминальной тризны. Такой способ отделения сакрального пространства признан одним из основных детерминантов скифского (также в этническом смысле) культурного поведения (Ольховский 1991, табл. XIX; XX: 2—4; XXI: 1—3; Скорый 2003, с. 53).

В центре кургана находились две гробницы с нишами. К сожалению большая из них, вероятно главная, была полностью ограблена. Изначально вход в нишу был перекрыт каменным заслоном. В большой гробнице найдены останки мужчины молодого возраста (*Juvenis*), чей скелет был разрушен грабителями ещё в древности. Факт грабежа гробницы, первоначально накрытой курганной насыпью, по-видимому, свидетельствует об относительном богатстве захоронения. Основываясь на расположении костных останков, можно предположить, что человек, погребенный здесь, был ориентирован головой на запад, что характерно для скифских обществ. Второе захоронение, детское (*Infans I*), было совершенно в похоронной, но значительно меньшей, гробнице, также головой на запад. Скромный погребальный инвентарь этой могилы включал в себя только поломанный бронзовый браслет с концами в виде о змеиных голов.

После трёх лет раскопок и изучения пространства вокруг кургана 55, оказалась, что за пределами рва, находилась зона без погребений, шириной около 3—4 м (рис. 3). Немного поодаль были расположены захоронения, слов-

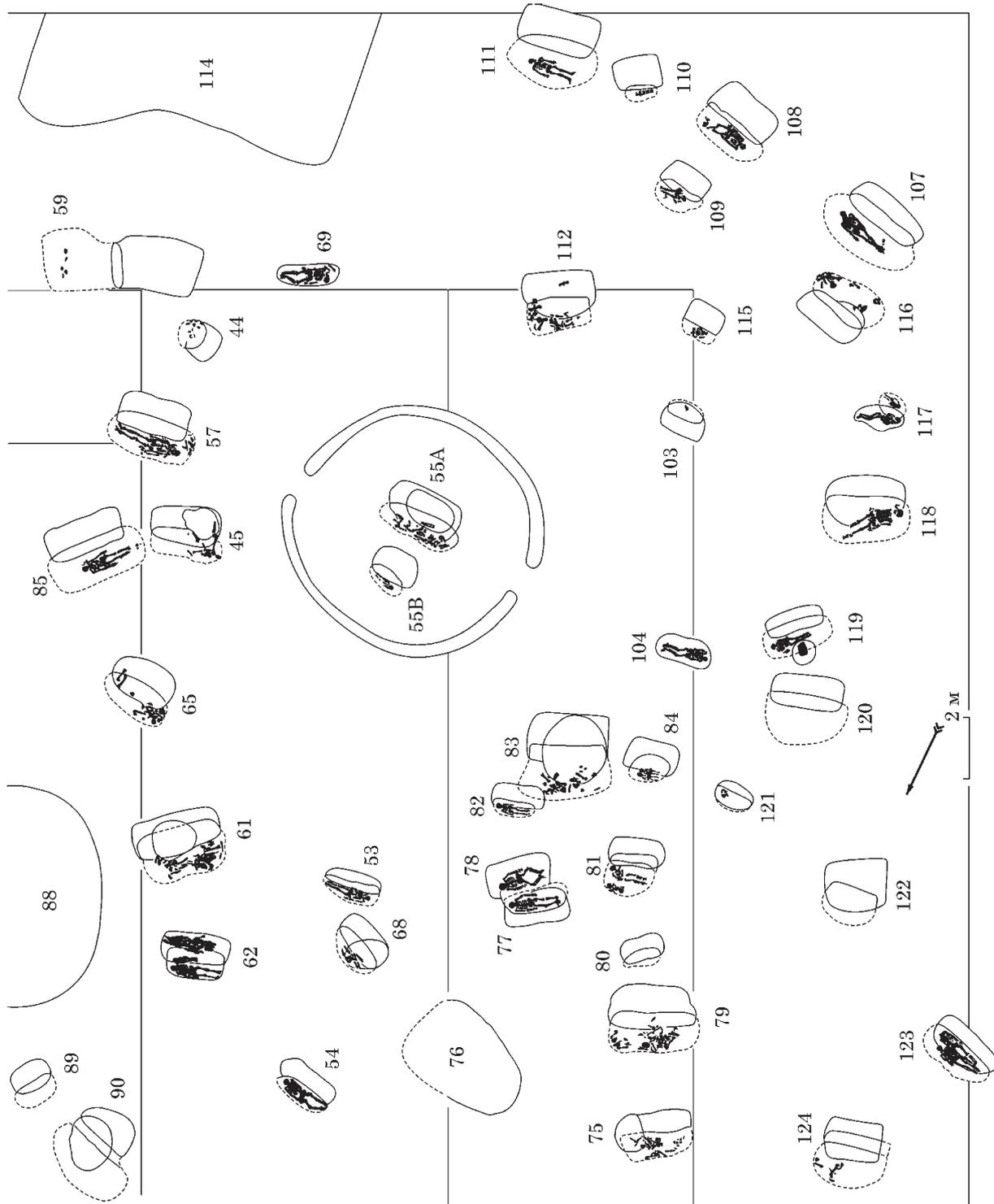

Рис. 3. План розположення погребених вокруг кургана 55

но собранные вокруг некоего центра, которым, несомненно, является курган 55. В таком случае он был бы самым старым объектом в этой группе погребений, вокруг которого происходила вся её последующая внутренняя организация. Несомненно, подобная организация была навязана видимым в ландшафте курганом, требовавшим сохранения дистанции, некоторого расстояния, что продиктовано самой морфологией этого места. С другой стороны, мы имеем дело с определённой дистанцией магического и ритуального характера, инспирированной, по-видимому, социальным статусом умершего, который после смерти перешёл в статус социально-религиозный, соответствующий мифическому предку («герою»). Такой статус погребённого привлекал однако и побуждал некоторых пользователей некрополя, похоронить своих покойных рядом с его могилой сокрытой под курганом 55. В скифской атрибуции этого кургана не может быть никаких сомнений. Большинство могил (27), находящихся поблизости кургана, укладывается в почти регулярную окружность; вероятно они старше остальных в этой группе. Несколько дальше расположены четыре объекта (54, 79, 80 и 122) находящиеся на северо-западной стороне кольца, и еще шесть (107—111, 116) — на его южной стороне (рис. 3).

Среди объектов, образующих кольцо вокруг кургана 55, доминируют погребения с нишами, характерные для кошарского некрополя, расположенными на северной (северо-западной или северо-восточной, в зависимости от ориентировки) стороне входной ямы. Два погребения были совершены в простых неглубоких ямах (69, 104). Нестандартным также оказалось захоронение 59 — катакомбное (к сожалению разграбленное), с большой камерой и входным коридором. Существенное значение имеет здесь также анализ положения покойных относительно сторон света. Из 19 гробниц с нишами, где определение ориентировки останков было возможно, в 7 мы имеем дело с западной (скифской) ориентировкой, а в 12 — с восточной (греческой). На запад также ориентированы захоронения в ямах. Интерес представляет и антропологический состав захоронений вокруг кургана 55, где были найдены останки 22 взрослых (11 женщин и 11 мужчин) и 15 детей, в основном в возрасте *Infans I* (Chochorowski 2008, spec. 1). В принципе пропорции пола в группе взрослых равны, а доля детских погребений составляет около 40%. Исследуемая серия слишком мала и не позволяет провести более тщательный анализ возрастной

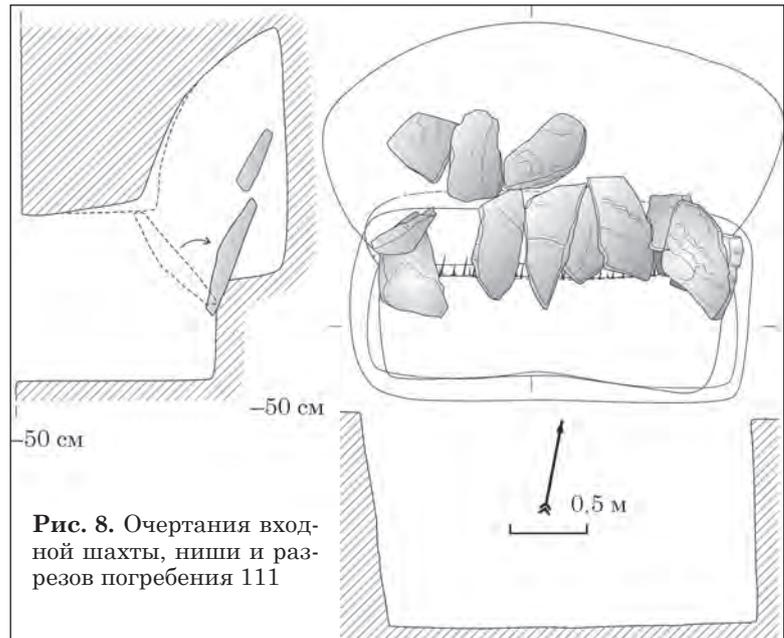
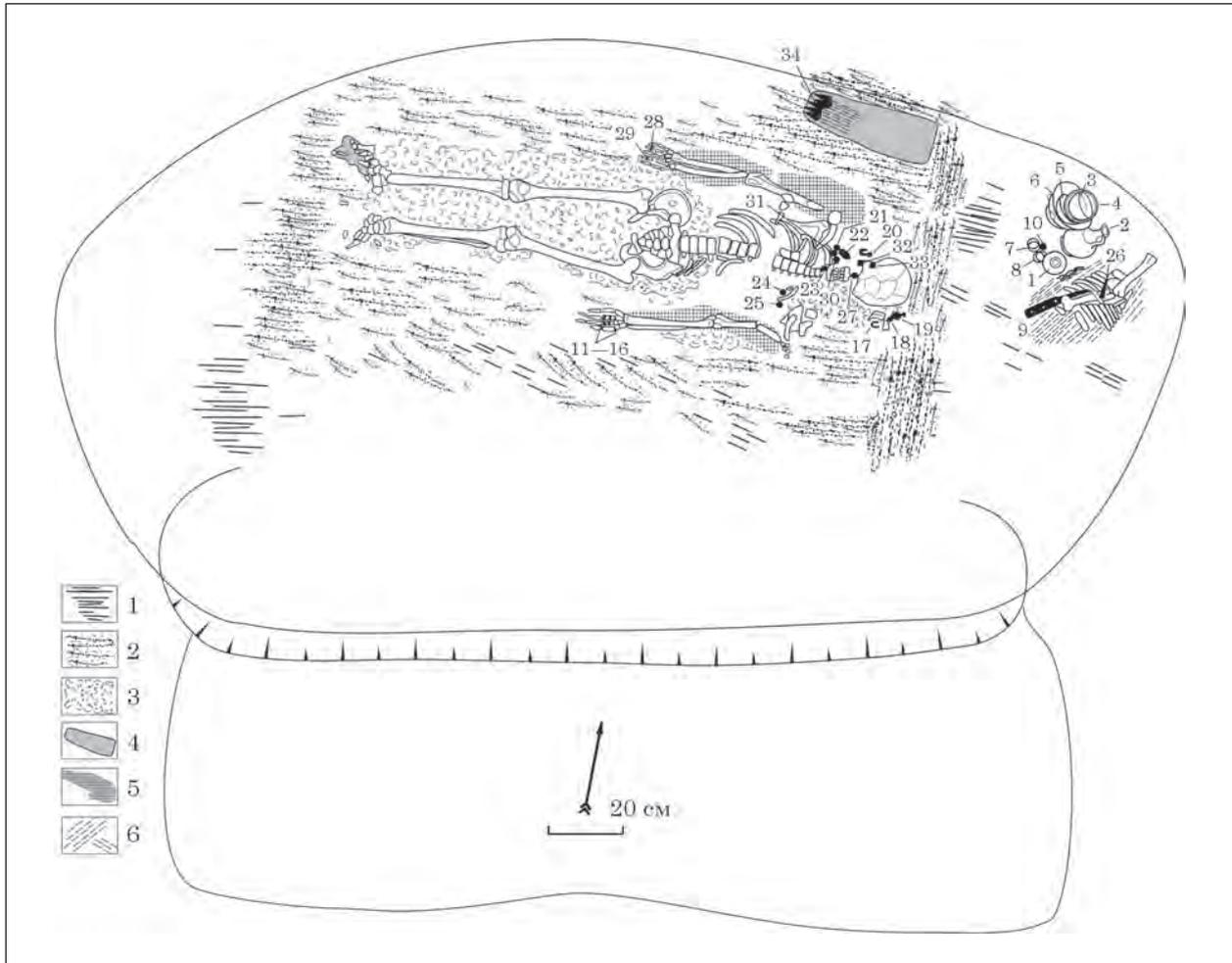

Рис. 8. Очертания входной шахты, ниши и разрезов погребения 111

структуры популяции. Однако мы можем смело предположить, что она была приближена к «естественной», соответствующей посредственной живущей популяции; то есть отвечала биологической структуре группы, связанной определенными общественными связями. Характер этих связей трудно назвать, хотя нельзя исключать, что это были отношения, связанные с чувством принадлежности (реальной или — в случае социального усыновления — формальной) к группе родственников, таких как род / клан / lineage (*lineage*).

В этой группе погребений чрезвычайного внимания заслуживает один объект, выделяющийся среди прочих своим особым статусом. Это погребение 111, расположенное на краю кольца (возможно, он младше остальных?), по его южной стороне (рис. 3—5). Оно читалась на горизонте открытия аккуратной прямоугольным пятном входной ямы (рис. 6). В обширном, тщательно подготовленном подбое была захоронена юная женщина около 14—15 лет (*Infans II / Iuvenis*). Каменный заслон, закрывающий вход в нишу, был сложен из больших каменных плит установленных наискось, под углом (рис. 7). С западной стороны он был явно потревоженный. Три большие плиты, извлеченные из заслона, лежали в нише с погребением женщины (рис. 7, 8), на тонком (в центре) слое глины прикрывающей скелет, которая вероятно осыпалась со стенки и потолка ниши. Нарушение заслона произошло по истечении некоторого времени после момента погребения (глина, покрывающая костяк успела осыпаться из потолка), когда в нише все ещё сохранялась пустота. Трудно определить, было ли это нарушение одноразовое или же гробница открывалась больше одного раза. На стенах входной ямы видны минимальные нарушения (с север-

Рис. 9. Расположение останков покойной и погребального инвентаря: 1 — тростник; 2 — трава; 3 — войлок; 4 — кожа; 5 — ткань; 6 — дерево

ной стороны), что указывает на то, что открытие гробницы было, скорее, преднамеренным, а не случайным, например, грабительской ямой. «Виновники» его, к слову, пытались следовать очертаниям входной ямы, и вскрытие было целенаправленным. Однако не ясно, почему каменные плиты не были вставлены обратно в заслон, снова закрыв нишу, а остались лежать, накрывая левую сторону захоронения: ногу, руку и левое предплечье умершей?

Покойницу уложили на спине (рис. 9, 10), с руками вытянутыми вдоль тела, головой на восток с легким отклонением к северу; позиция эта более характерна греческой традиции (рис. 11). Неплотные комки глины, осыпавшиеся со стен и потолка, образовали непроницаемый слой, защищающий от вторичных повреждений (например, обрывов свода), благодаря чему останки и сопровождающий инвентарь остались в исходном положении (рис. 12). Удалось также идентифицировать и очистить остатки истлевших органических материалов из первичной подстилки для захоронения на дне подбоя (рис. 13). Дно ниши было первично выложено тростником, а тело покойной лежало

на постели из травы накрытой войлоком. Вероятно, женщина была похоронена в парадной одежде (судя по концентрации остатков истлевшей ткани около костей рук), и в кожаной обуви на ногах. Удивителен тот факт, что, несмотря на хорошую общую сохранность, в одном месте на скелете были обнаружены явные следы механических повреждений и дефекты (рис. 14). Череп сохранился лишь частично: теменные кости, небольшие фрагменты нижней челюсти и часть зубов, лежали в положении приближенном к естественному (рис. 15). Видно, что некоторые зубы переместили ближе к левому плечу (рис. 16, 17). Отсутствуют практически все кости левого плеча с лопаткой, рёбра с левой стороны, и два позвонка грудного отдела позвоночника (рис. 14). В этом месте четко прослеживаются нарушения целостности дна ниши, в виде крупных нор и скрытой поверхности; по-видимому, это результат активности крупных грызунов-землероев.

Кости левой ладони казались слегка сдвинутыми, хоть они и были возвращены на свои прежние места, но самое интересное заключалось в следующем: четыре кольца, украшавшие

ладонь, были надеты не на фаланги пальцев, а на пястные кости! (рис. 18). Это было возможно сделать только после того, как разложатся мягкие соединительные ткани! Следовательно, гробницу открывали после полного разложения тела. Возможно, что именно тогда случайно были сдвинуты кости левой ладони (следов активности грызунов там не наблюдалось). Затем их пытались вернуть на место, и надели кольца, но только уже не на соответствующие кости. Маловероятно, что кольца добавили тогда в комплект, так как на правой руке, которая оставалась не тронутой, на указательном и безымянном пальцах было ещё два кольца в правильном, естественном положении. Можно предположить, что в это же время, с помощью трёх каменных плит, вынутых из заслона, было накрыто левое предплечье и подстилка вдоль левой ноги. Это могла быть реакция на разрушение скелета с левой стороны туловища и черепа, а также желание защитить от возможных биотурбаций оставшихся останков умершей в будущем. Следует полагать, что правая сторона скелета и «постель», были сокрыты в глубине ниши под слоем глины (и, таким образом, «защищены»). На этой стороне погребения не было зафиксировано существенных нарушений его структуры или дна ниши.

Случай умышленного вскрытия погребений на некрополе в Кошарах — частое явление. В частности, это относится к детским погребениям, к которым через некоторое время подзахоранивались другие дети (вместе с погребальным инвентарем) — вероятно, братья и сестры (Chochorowski 2008, p. 34, fig. 6). Подобная ситуация наблюдалась, например, в могиле 108 (рис. 19), содержащей погребение женщины в возрасте — *Maturus* (около 40 лет). Покойная лежала на спине, головой на запад, инвентарь был составлен, как обычно, у изголовья: амфора, поднос с мясом и разделочным ножом, чёрнолаковый килик, серый керамический флакончик (выполненный на гончарном круге) и два глиняных пряслица (рис. 20). Последние считаются символическим показателем женского пола. Интересно, что каменный заслон в районе ног погребенной проявляет следы повреждения (часть плит была переложена на неповрежденную сторону заслона), а кости ног — вниз от коленей — были перемешаны и разбросаны а частично — извлечены. Однако, это нарушение не типично для грабителей, так как весь инвентарь остался на своём месте, остальная часть скелета тоже была не тронута. Скорее всего, гробницу вскрыли, с какой-либо целью (ритуальной?), а потом снова запечатали. В нарушенной части заполнения входной ямы были обнаружены многочисленные фрагменты амфоры. По мнению антропологов, несмотря на позднейшее смещение, положение костей стоп, находящихся *in situ*, указывает на то, что первоначально ноги были скрещены и

связаны. (Chochorowski 2008, p. 33, fig. 5). По какой причине кто-то осмелился здесь нарушить табу погребального пространства? Имели ли к этому отношение перекрещенные и связанные ноги умершей? Ясно лишь то, что поводом для вскрытия гробницы послужило нечто иное, чем в случае могилы 111, где мы отчётливо видим действия, направленные на защиту погребения от дальнейшего разрушения. Возможно, следы нарушения, вследствие деятельности землероев, были заметны в структуре гробницы (покрывающей его насыпи), что и послужило поводом её вскрытия? Или же причины были чисто символического характера, например, необходимость «установить контакт» с покойной, и, при случае, была проявлена забота о дальнейшей сохранности погребения?

Здесь, конечно, возникает вопрос: кто, когда и по какой причине вскрыл гробницу 111, при этом предпринимая детальные усилия для улучшения её сохранности? Кем являлась похороненная здесь юная женщина, память о которой вызывала реакцию, полную сильных эмоций и одновременно пронизанную уважением. Часть ответов на эти вопросы мы найдем, внимательно изучив состав драгоценностей и погребальные дары, вложенные помещённые в могилу. Сопровождавший умершую погребальный инвентарь, по сравнению с другими женскими могилами на некрополе в Кошарах, выделяется эффектным набором украшений (рис. 21; 1—3). Он состоял из серебряных височных подвесок в форме голов, скорее всего, Деметры и Персефоны, с бронзовыми крючочками для их подвешивания; нескольких стеклянных бусинок из ожерелья на шее; шести бронзовых колец: 4 на пальцах левой руки и 2 — на правой, а также двух бронзовых аппликаций на груди (рис. 15—18). В близости каждой из серебряных серёг было найдено ещё по одной бусине, скорее всего, являвшихся их дополнительным декоративным элементом. Наборы: серьга в виде головы + крючочек + бусина, находились по правой (Деметра) и левой (Персефона) сторонах черепа (рис. 15), в положении, приближенному к натуральному (функциональному), но с небольшими смещениями, вызванными, несомненно, биотурбациями. Фрагменты мелких бронзовых бляшек, обнаруженных рядом с поврежденной частью скелета (рис. 17), могут указывать на присутствие других мелких украшений (элементов ожерелья?).

У изголовья из травы лежал деревянный поднос с порцией мяса (рис. 22), в которое был воткнут железный нож с костяной рукояткой (рис. 21; 5); этот обычай известный в кочевой среде, как в степной зоне, так и в Лесостепи (Скорый 2003, с. 46). Рядом с подносом был поставлен набор греческой посуды: лекиф и кувшин, вероятно, изготовленные в Ольвии, афинские чернолаковые сосуды: скифос и мисочка, а также две обычные лепные мисочки (рис. 23,

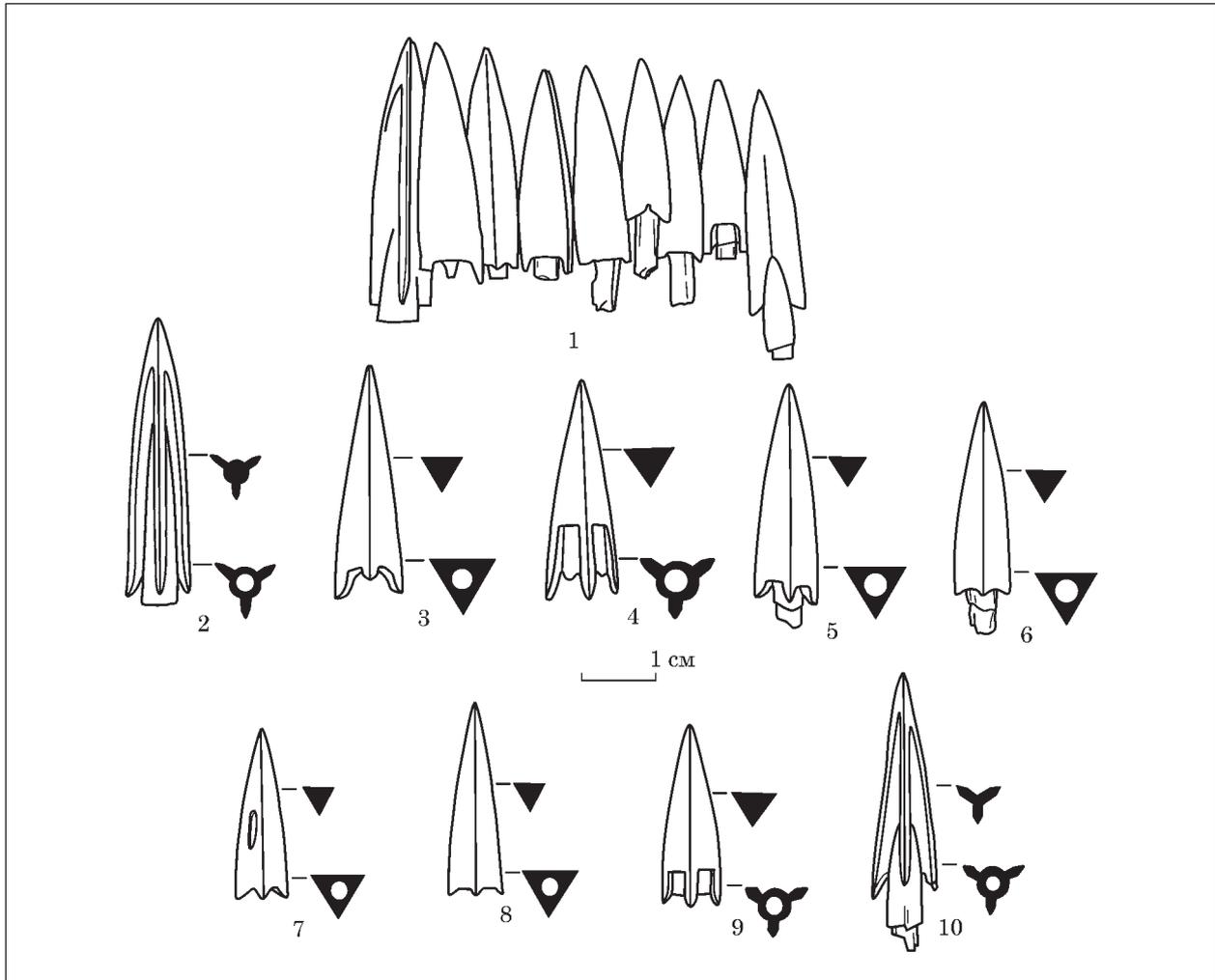

Рис. 27. Наконечники стрел для лука из гробницы 111

24). Скифос был повреждён (отсутствуют ручки); эти повреждения, скорее всего, наступили еще перед тем, как его положили в гробницу (если только его не повредили во время её повторного открытия). Факт помещения одного сосуда в другой (по очереди: скифос, чернолаковая мисочка и две обычных миски), доказывает (рис. 23), что первоначально они были пустыми. Конечно, существует вероятность, что сосуды переместили, когда наводили «порядок» в гробнице. Создаётся впечатление, что их составили в этом порядке случайно, т. к. такое расположение сосудов не характерно для других, не разграбленных погребений. Кажется, будто бы, их собрали и поместили друг в друга с целью «упорядочить» пространство. Интересно, что в этом наборе нет амфоры, которая является практически обязательным элементом обустройства почти всех «богатых» захоронений. Было ли это каким-то образом связано с общественной ролью покойной? Стоит отметить, что поднос с мясом и сосуды были поставлены за головой погребенной женщины, в глубине ниши; в то время как у входа оставалось много свободного места! (рис. 11). Было ли это место выделенное

для амфоры, которую позже забрали?, вместе с вином? Или же её вообще не положили в погребение, хотя, согласно обычаю, она должна была там быть. Свидетельствует ли большое количество черепков амфоры, найденных в подкопе (для повторного открытия) к упомянутой ранее могиле 108, о фундаментальном значении вина в ритуальных процедурах установления посмертного контакта с умершим? Умножая количество вопросов, также необходимо было бы решить; это вино просто оставляли? выливали? или же выпивали?

Рядом с сосудам в гробнице 111 лежали 4 бронзовые кольца (рис. 21: 3; 23) с сужающимися концами (височные кольца?). Возникает вопрос, почему они не находились на своем месте, рядом с подвесными, серебряными серьгами? Были ли они «добавлены» во время вскрытия гробницы? Необычным также является наличие кожаного колчана с девятью стрелами с бронзовыми наконечниками скифского типа (рис. 21: 4; 25; 26). Колчан был уложен справа от плеча и головы покойной на старательно подготовленной дополнительной подстилке из травы (рис. 14). Типологическое разнооб-

разие форм наконечников, указывает на «боевой», а не церемониальный характер депозита (рис. 27), хотя их число выражает скорее символическую мотивацию этого жеста. Невозможно не согласиться с тем, что присутствие колчана (как элемента «мужского» воинского снаряжения) в данном случае должно более рассматриваться как доказательство высокого статуса покойницы, чем черта, присущая так называемым захоронениям «амазонок», то есть женским могилам с оружием, характерным для скифских и савроматских обществ (Смирнов 1964, с. 200—202; Фиалко 1991, с. 4—18; 2017, с. 208—227; Симоненко 1993, с. 105).

Отвечая на вопросы о том, кем была молодая женщина (а согласно современным критериям — девушка), похороненная в гробнице 111, каковы были её роль в обществе и культурная (а может, даже этническая) принадлежность, мы можем точно не сомневаться только в одном факте. Принимая во внимание среднестатистический стандарт убранства могил на некрополе в Кошарах и особенности архитектуры, такие, как величина гробницы, тщательность оформления захоронения, монументальность каменного заслона и т. д., погребенная, несомненно, принадлежала к группе с высоким экономическим статусом, и вероятно, была представительницей местной элиты. На её роль в местном обществе, указывает обнаруженная в форме парадных серёг, символика изображений Деметры и Персефоны: тоскующей Матери и пропавшей Дочери, которую Аид обманом заманил в подземное царство; которых циклические весенне-летние встречи должны были одаривать землю урожаем. Исследования зольника в Кошарах, проведенные также с 1998 г. под руководством Л. В. Носовой (Носова 2003, с. 123—130), привели к показательным открытиям и позволили определить его роль в религиозной жизни местного общества (Редина, Папуци-Владыка, Бодзэк 2007, с. 261—265; Редина, Папуци-Владыка, Бодзэк, Маховски 2008, с. 150). Вероятно, он служил храмом — жертвенным местом под открытым небом, где совершались повседневные ритуалы, торжественные богослужения, связанные с культурами домашнего очага (*eschara*) или хтоническими верованиями. Именно здесь проводились ритуалы (мистерии), связанные с символикой возрождения и сельскохозяйственными культурами великих элевсинских богинь: Деметры и Персефоны (15—22 октября). В какой степени этот символизм влиял на восприятие (в том числе и религиозное) жителей кошарского поселения свидетельствует открытое здесь значительное количество хранилищ для зерна, «промышленного» масштаба (Редина, Папуци-Владыка, Бодзэк, Маховски 2008, с. 149). Наблюдения, полученные при помощи аэрофотосъёмки, показывают, что вокруг поселения находились возделываемые территории, поделенные на

участки (Бруяко, Назарова, Петренко 1991, с. 37—44). Эти аргументы подтверждают большое значение зернового производства как экспортного товара в экономике кошарского общества. Неудивительно, что люди, участвующие в служении сельскохозяйственным культурам (также связанным с идеологией бессмертия и загробной жизни), пользовались высоким авторитетом. Возможно, что одной из них была молодая женщина, похороненная в гробнице 111, в парадных (по местным меркам) ювелирных украшениях, среди которых особенно выделялись серебряные серьги в форме голов Деметры и Персефоны. Наличие рядом с погребённой «скифского» колчана, возможно, должно было подчеркивать её престиж и социальный статус, гарантирующий (как своего рода «защитницу») благополучие живущих близких. Мог он быть тоже посланием, усиливающим скифскую (кочевую) культурную тождественность, выраженную, кроме того, в оформлении погребального ложа и мясных дарах для умершей. Она, скорее всего, была греческого происхождения (восточная ориентировка захоронения), но и возможно была связана с родом, прародителем которого мог быть погребенный в скифском (судя по внутреннему убранству) кургане 55. Об общем, синкретическом характере этого сообщества свидетельствует наличие захоронений (№ 107 и 108), вокруг кургана 55, связь которых с савроматским (раннесарматским?) архетипом не исключена (Chochorowski 2008, р. 32—33).

В процессе формирования новых синкретических обществ, возникающих на границах цивилизаций, уровень толерантности и открытости для «чужих» был очень высок. Главными организационными факторами были экономические цели, определяющие стратегию выживания и развития. Для причерноморских территорий такой фактор экономического развития заключался в бытности греческой продовольственной базой (в основном зерновой), что посодействовало включению этого региона в круг средиземноморской цивилизации. Из этого следует, что в качестве важного показателя религиозного самосознания в данном обществе выступал аграрный культ, наряду с элевсинскими мистериями. Однако, в сущности это было мультикультурное, а также полиэтничное сообщество, притирающееся в «котле» повседневной жизни, но в то же время сохраняющее родные, греческие либо «варварские» (скифские), культурные традиции. Всех этих людей, попавших на высокий берег Тилигульского лимана из разных частей тогдашнего мира, объединяло в течении двух столетий, стремление к процветанию, безопасному дому и личному счастью. Стремление к гармонии, в которой даже (или именно) смерть была поводом и для выражения чувств, и близости, и единства, а также уважения различия культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Бруяко, И. В., Назарова, Е. П., Петренко, В. Г. 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки. В: Ванчугов, В. П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, с. 37-44.

Дремсизова, Ц. 1958. Надгробна могила при с. Браничево. В: Бешевлиев, Вл. Г. (ред.). *Исследования в чест на акад. Д. Дечев*. София: БАН, с. 445-456.

Козуб, Ю. И. 1987. Погребальные сооружения некропелей Ольвии и ее окружи. В: Крыжицкий, С. Д. (ред.). *Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время*. Киев: Наукова думка, с. 27-34.

Носова, Л. В. 2003. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса). В: Станко, В. Н. (ред.). *Древнее Причерноморье. В чтении памяти проф. П. О. Карышковского*. Одесса: Одесский национальный университет, с. 123-130.

Ольховский, В. С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *Советская археология*, 4, с. 108-128.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Парович-Пешикан, М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев: Наукова думка.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Редина, Е. Ф., Папуци-Владыка, Е., Бодзек, Я. 2007. Сакральное пространство Кошарского святилища. *Боспорские чтения*, VIII, с. 261-265.

Редина, Е. Ф., Папуци-Владыка, Е., Бодзек, Я., Маховски, В. 2008. Археологический комплекс античного времени у села Кошары — итоги исследования. *Pontika 2006*, с. 143-160.

Симоненко, А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепропровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев.

Скуднова, В. М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград: Искусство.

Смирнов, К. Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.

Сымонович, Э. А. 1954. О древнем Одессе. *Вестник древней истории*, 4, с. 146-150.

Фиалко, Е. Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*, Киев: Наукова думка, с. 4-18.

Фиалко, Е. Е. 2017. Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова). *Археология і давня історія України*, 2 (23), с. 208-227.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2000. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanowisk z okresu antycznego w miejscowości Koşary koło Odessy. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXI, p. 185-202.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2004. Polnisch-ukrainische Ausgrabungen an dem antiken Fundstellenkomplex von Koşary bei Odessa. *Recherches Archéologiques de 1993—1998*, S. 243-265.

Papuci-Władyka, E., Kokorzhińska, T. N. 2004. Greek amphorae from the Polish-Ukrainian excavations

at Koshary, Odessa District (fourth and third centuries BC) — a first resenatation. In: Eiring, J., Lund, J. (ed.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens*. Athens: Aarhus University Press, p. 313-324.

Papuci-Władyka, E., Redina, E. F. 2011. Ten Years of the Polish-Ukrainian Koshary Project (1998—2008). *Pontika 2008*, p. 283-297. British Archaeological Reports International Series, 2240.

Redina, E. F., Chochorowski, J. 2001. Koshary. In: Samoilo, T. D. (ed.). *Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea*. Kiev: Mystetstvo, p. 139-154.

Skoryj, S. A. 1993—1994. Die Frage der Beziehungen zwischen der Bevölkerung der Schwarzmeeressteppen und der Bevölkerung der Waldsteppen im Dneprgebiet im 5. bis 4. Jh. v. Chr. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXXII, S. 151-166.

REFERENCES

Brujako, I. V., Nazarova, E. P., Petrenko, V. G. 1991. Drevnie kul'turnye landshafty na juche Tiligulo-Dnestrovskogo mezhdurech'ja po dannym ajerofotosjemki. In: Vanchugov, V. P. (ed.). *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaja zona drevnih kul'tur*. Kiev: Naukova dumka, s. 37-44.

Dremsizova, C. 1958. Nadgrobna mogila pri s. Branichevo. In: Beshevliev, Vl. G. (ed.). *Izsledovanija v chest na akad. D. Dechev*. Sofija: BAN, s. 445-456.

Kozub, Ju. I. 1987. Pogrebal'nye sooruzhenija nekropolej Ol'vii i ee okrugii. In: Kryzhitsky, S. D. (ed.). *Kul'tura naselenija Ol'vii i ee okrugii v arhaicheskoe vremja*. Kiev: Naukova dumka, s. 27-34.

Nosova, L. V. 2003. O kul'tovyh zol'nikah antichnyh poselelij Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja (v svjazi s raskopkami Kosharskogo arheologicheskogo kompleksa). In: Stanko, V. N. (ed.). *Dreunee Prichernomor'e. V chtenija pamjati prof. P. O. Karyshkovskogo*. Odessa: Odessky Natsionalny Universitet, s. 123-130.

Ol'hovskij, V. S. 1977. Skifskie katakomby v Severnom Prichernomor'e. *Sovetskaja arheologija*, 4, s. 108-128.

Ol'hovskij, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naja obrjadnost' naselenija Stepnoj Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Parovich-Peshikan, M. 1974. *Nekropol' Ol'vii jellinisticheskogo vremeni*. Kiev: Naukova dumka.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrashenija Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 4-5.

Redina, E. F., Papuci-Vladyka, E., Bodzek, Ja. 2007. Sakral'noe prostranstvo Kosharskogo svjatilishha. *Bosporские чтения*, VIII, s. 261-265.

Redina, E. F., Papuci-Vladyka, E., Bodzek, Ja., Mahovski, V. 2008. Arheologicheskij kompleks antichnogo vremeni u sela Koshary — itogi issledovanija. *Pontika 2006*, s. 143-160.

Simonenko, A. V. 1993. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi (problema vydelenija iranskogo jetnokul'turnogo elementa)*. Kiev.

Skudnova, V. M. 1988. *Arhaicheskij nekropol' Ol'vii*. Leningrad: Iskusstvo.

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Rannjaja istorija i kul'tura sarmatov*. Moskva: Nauka.

Symonovich, Je. A. 1954. O drevnem Odesse. *Vestnik drevnej istorii*, 4, s. 146-150.

Fialko, E. E. 1991. Pogrebenija zhenshin s oruzhiem u skifov. In: Boltrik, Ju. V., Bunjatjan, E. P. (ed.). *Kurgany Stepnoj Skifii*, Kiev: Naukova dumka, s. 4-18.

Fialko, E. E. 2017. Serija pogrebenij skifskih voitel'nic v mogil'nike u s. Glineo (Moldova). *Arheologija i davnja istorija Ukrainy*, 2 (23), s. 208-227.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2000. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanow-

isk z okresu antycznego w miejscowości Košary koło Odessy. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXI, p. 185-202.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2004. Polnisch-ukrainische Ausgrabungen an dem antiken Fundstellenkomplex von Košary bei Odessa. *Recherches Archéologiques de 1993—1998*, S. 243-265.

Papuci-Władyka, E., Kokorzhińska, T. N. 2004. Greek amphorae from the Polish-Ukrainian excavations at Koshary, Odessa District (fourth and third centuries BC) — a first presentation. In: Eiring, J., Lund, J. (ed.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens*. Athens: Aarhus University Press, p. 313-324.

Papuci-Władyka, E., Redina, E. F. 2011. Ten Years of the Polish-Ukrainian Koshary Project (1998—2008). *Pontika 2008*, p. 283-297. *British Archaeological Reports International Series*, 2240.

Redina, E. F., Chochorowski, J. 2001. Koshary. In: Samoilova, T. D. (ed.). *Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea*. Kiev: Mystetstvo, p. 139-154.

Skoryj, S. A. 1993—1994. Die Frage der Beziehungen zwischen der Bevölkerung der Schwarzmeeressteppen und der Bevölkerung der Waldsteppen im Dneprgebiet im 5. bis 4. Jh. v. Chr. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXXII, S. 151-166.

Ja. Chochorowski

ARISTOCRAT?, AMAZON?, OR PRIESTESS? (Some Remarks on the Status of Women in Greco-Scythian Communities)

In the year 2000, a joint expedition from the Archaeological Museum in Odessa and the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University in Kraków conducted excavations in a Greco-Scythian necropolis at Koshary, near the Tiligul Estuary. In a circle of tombs surrounding a Scythian barrow (no. 55), grave no. 111 (dated to the late 4th century BC) stood out with its noticeably special status. In a large niche tomb meticulously carved in the bedrock, a young woman aged *Infans II / Iuvenis* (i. e. 14—15 years old) was buried on a bed made from reeds and grass and covered with felt. The body was placed to grave with the head to the east, and the burial stands out from other female graves in the Koshary necropolis by an impressive set of jewellery. The set was comprised of the following: silver earrings in the shapes of the heads of Demeter and Persephone, with bronze hooks for attachment, glass beads from a string on the neck, 6 bronze finger rings (4 on the left and 2 on the right hand), and 2 round bosses or appliques made of bronze on the chest. In addition, a tray containing a portion of meat and an iron knife provided with a bone handle was placed by the woman's head. Immediately by the tray, a set of Greek vessels was placed, consisting of a thin-walled cup-skyphos, a

saltcellar, and two small handmade bowls. Four bronze rings (possibly earrings) were also found near the vessels. A leather quiver with Scythian-type arrowheads, deposited to the right from the body, is a unique element. The deceased most likely had Greek origins (buried with the head to the east), but was connected with the family / lineage whose progenitor had been the man buried in the Scythian (in terms of burial orientation) barrow no. 55. Taking into account the over-standard furnishing, the size of the tomb, careful arrangement of the burial, and the monumental size of the stone barrier closing the niche, one can certainly regard the deceased woman as belonging to a group or class of high economic status and representing local elites. Her social role seems to be hinted at by the symbolism of Demeter and Persephone featuring on the ceremonial earrings, namely that of the longing mother and daughter lured by Hades into the underworld, whose cyclical, spring-summer meetings were supposed to bless the Earth with good harvest. The deposition of a «Scythian» quiver by the body was probably meant to additionally emphasise her prestige and social status, and her role as a guardian of her kinsmen's fortunes. The newly forming, syncretic communities developing at the fringes of civilisations were undoubtedly distinguished by a very high degree of «openness» of their social structures towards «foreign» individuals. Of crucial importance were economic objectives determining the strategy of subsistence. For the Koshary community this was first of all cereal farming, as evidenced by a significant number of grain-storing structures (suggesting an industrial scale) discovered in a settlement adjoining the necropolis. This role of the Black Sea coast as a supplier of food (cereals in particular) for Greece allowed the region to be introduced into civilizational arteries of the Mediterranean world. This is why agricultural cults and Eleusinian Mysteries became important elements of spiritual life in the region. Thus, it comes as no surprise that individuals engaged in agricultural cults (associated with the ideology of immortality and afterlife) enjoyed high prestige in the analysed community. Perhaps, such person was the young woman buried in grave no. 111, with the set of exquisite jewellery including impressive silver earrings with the heads of Demeter and Persephone.

Keywords: Chora of Olbia, female burials, prestige behaviours, cult of Demeter and Persephone.

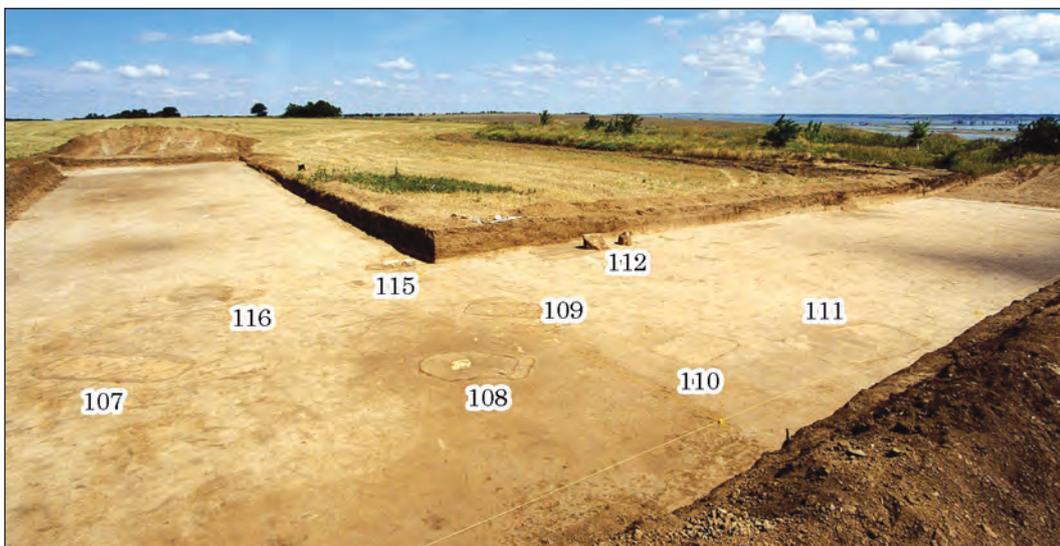
Одержано 15.02.2018

ХОХОРОВСКИ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Інститут археології Ягеллонського університету в Кракові, вул. Голембя, 11, Краків, 31007, Польща, archeo.sekretariat@uj.edu.pl.

CHOCHOROWSKI Jan, Doctor of the humanities science, State professor, Head of the Department of Bronze Age archaeology at the Jagiellonian University, Gołębia Str. 11, Kraków, 31007, PL, archeo.sekretariat@uj.edu.pl.

Рис. 2. Территория греческого укрепленного поселения в Кошарах во время раскопок 2000 г. Вид с западной стороны

Рис. 4. Раскоп 2000 г. на некрополе. Видны очертания могильных ям, расположенных в южной части кольца вокруг кургана 55

Рис. 5. Расчистка погребений в южной части кольца могил вокруг кургана 55

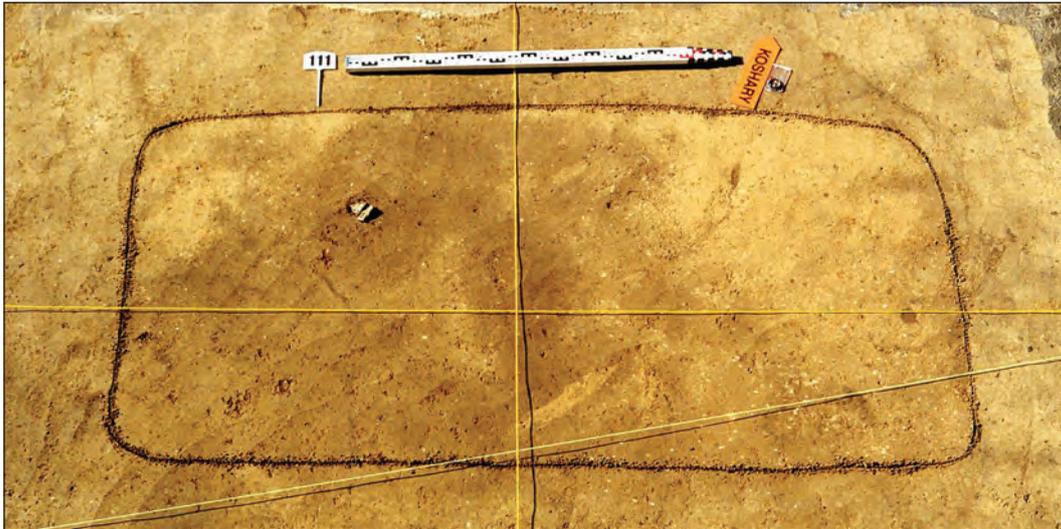

Рис. 6. Очертания входной ямы погребения 111

Рис. 7. Каменный заслон с тремя плитами, перемещёнными в нишу

Рис. 10. Вид на захоронение после ликвидации части свода над нишей и окончания расчистки

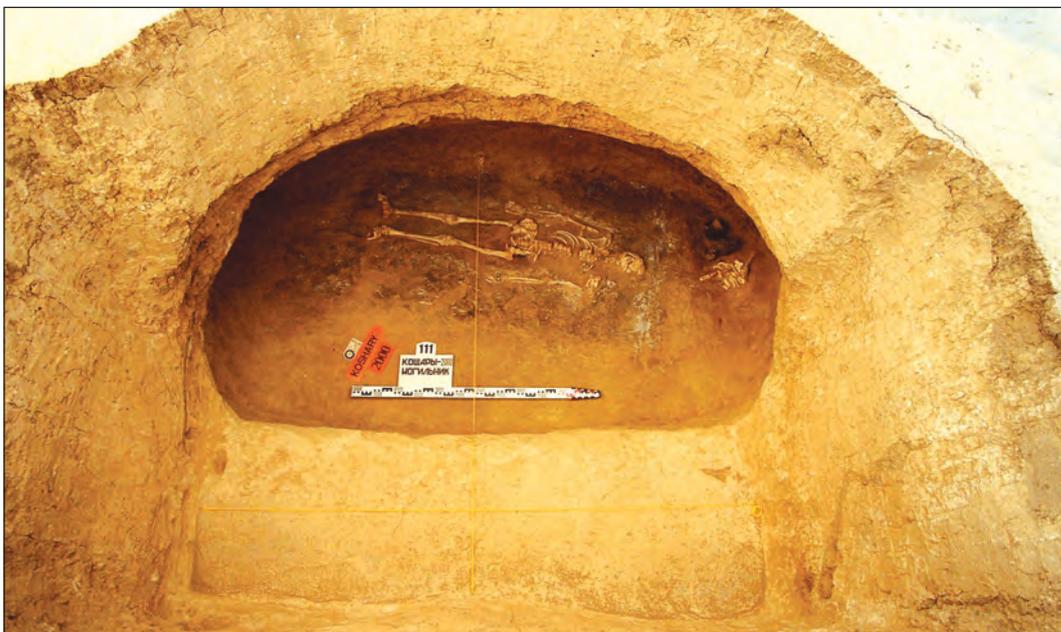

Рис. 11. Расположение скелета умершей, погребального инвентаря, очертаний подстилки из тростника, травы и войлока

Рис. 12. Расчистка слоя глины, находящегося непосредственно над захоронением

Рис. 13. Обнаружение остатков истлевших органических материалов, сохранившихся на дне ниши

Рис. 14. Вид на череп и левую сторону туловища погребенной: заметна деятельность грызунов

Рис. 15. Остатки черепа и комплект украшений: серьги + крючок / подвеска + бусины с левой и правой стороны черепа

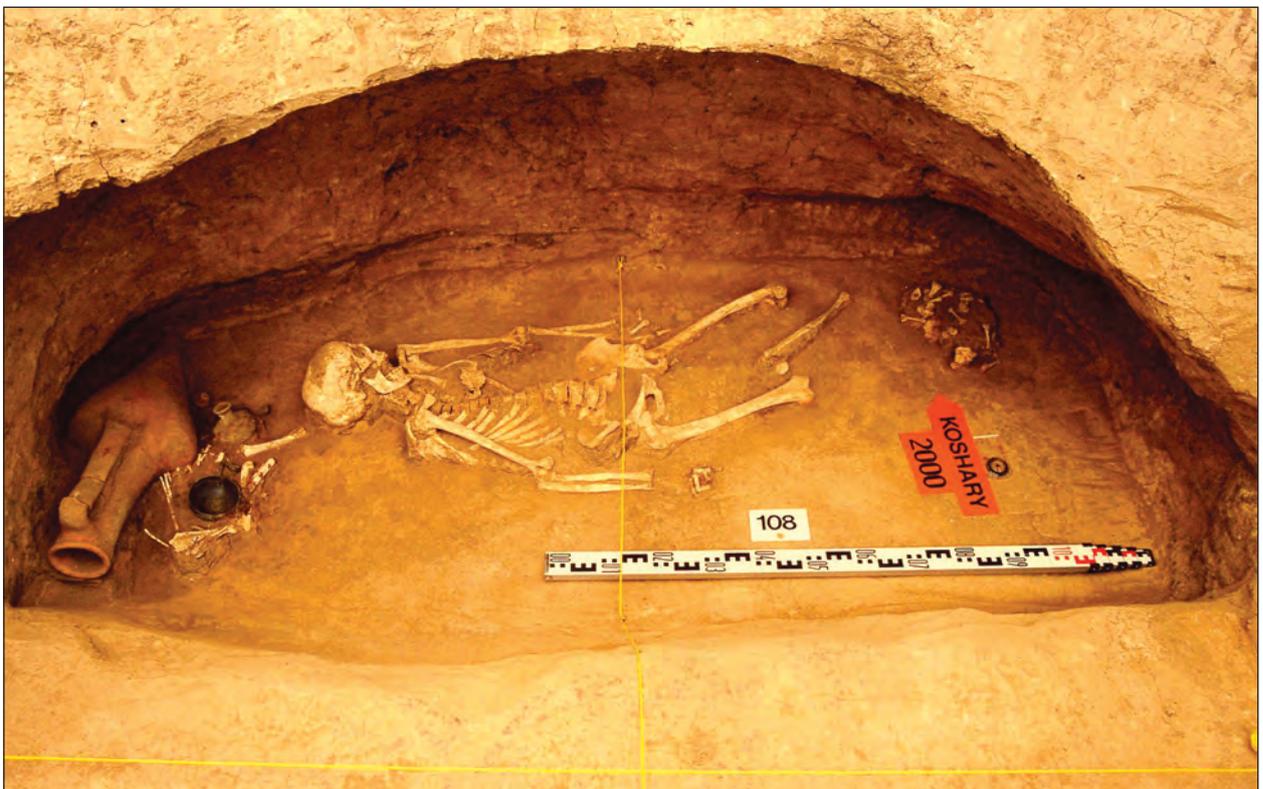
Рис. 16. Бронзовая аппликация среди остатков ребер в верхней части грудной клетки

Рис. 17. Перемещенный зуб и элементы ожерелья (?) в области левого плеча погребенной

Рис. 18. Расположение бронзовых колец на костях левой ладони погребенной

Рис. 19. Погребение женщины и инвентарь из гробницы 108

Рис. 20. Погребальный инвентарь гробницы 108

Рис. 21. Значимые элементы металлического инвентаря из гробницы 111

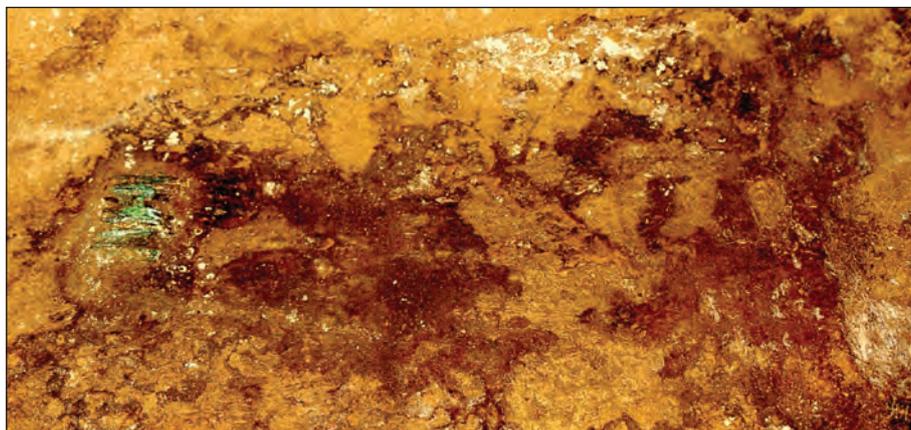
Рис. 22. Поднос с остатками мясной пицци и ножом, группа сосудов и бронзовые «кольца»

Рис. 23. Комплект сосудов: лекифы, скифос и миски

Рис. 25. Очертания кожаного колчана положенного на толстой подстилке из травы

Рис. 26. Расположение наконечников стрел (9 штук) в колчане

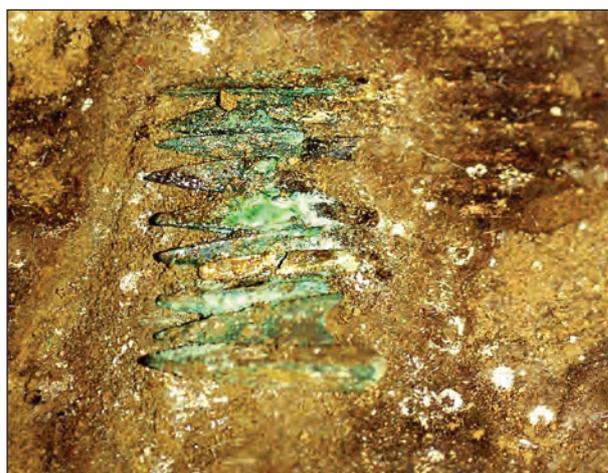

Рис. 24. Керамические находки из гробницы 111